

**ЗА ВОЕННЫЙ
СЕВ**

1943

153669

84

Смерть немецким оккупантам!

АЛТАЙСКИЙ КРАЕВОЙ КОМИТЕТ ВЛКСМ

Алтайский краевой Дом народного творчества

ЗА ВОЕННЫЙ СЕВ

**Сборник материалов для агитбригад
художественной самодеятельности
Алтайского края**

Барнаул
1943 г.

1943 г.

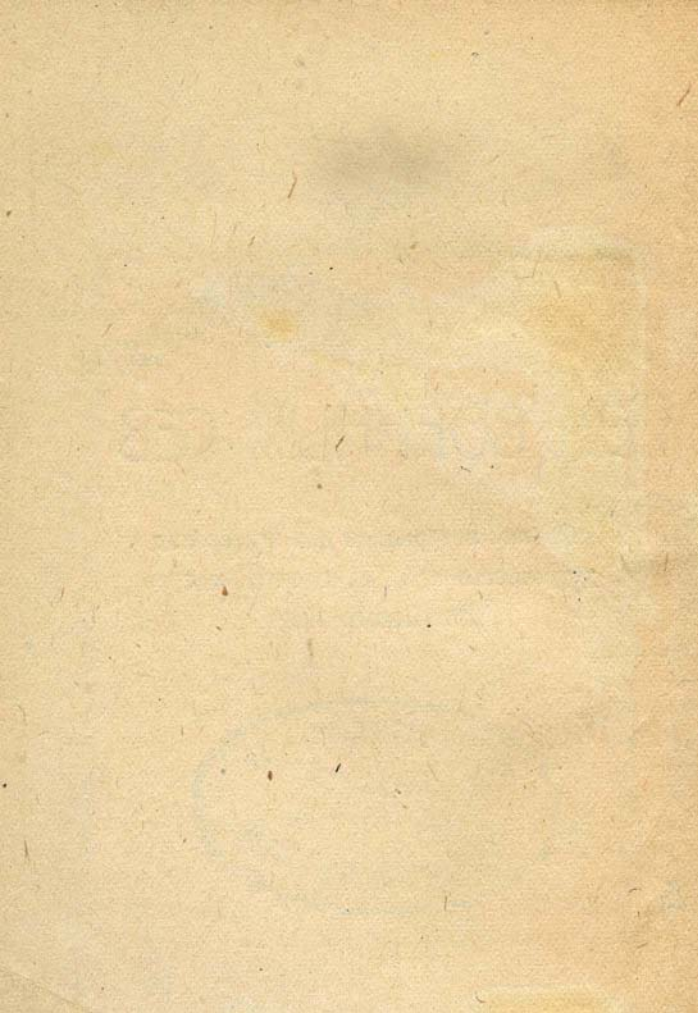

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

153669
ЗА ВОЕННЫЙ СЕВ

Сборник материалов для агитбригад
художественной самодеятельности
Алтайского края

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ВЕСЕННЕМ СЕВЕ.

Художественная самодеятельность является одним из наиболее живых и действенных средств политико-просветительной работы на селе. В военную весну 1943 года она должна сыграть свою мобилизующую агитационную роль и помочь колхозникам по-боевому провести весенний сев. Выступая в колхозных клубах, на полевых станах, сотни комсомольско-молодёжных агитбригад нашего края страстным большевистским словом и песней должны мобилизовать колхозников на самоотверженный фронтовой труд, едко и зло высмеивать лодырей, прогульщиков, клеймить позором дезорганизаторов колхозного производства.

Как показала практика работы лучших агитбригад прошлого года, наиболее доходчивой и популярной формой выступления является литературно-музыкальный монтаж. Перед выступлением агитатору необходимо провести беседу, в которой осветить вопросы производственной жизни колхоза и рассказать о том, как героически, мужественно отстаивают честь и независимость любимой отчизны наши земляки-алтайцы. Так в прошедшем году строили свою работу агитбригады Усть-Калманского РДК (худ. руководитель Ю. И. Виноградова) и Зятково-Реченской НСШ (худ. руководитель З. Н. Ковжун), и их метод полностью оправдал себя.

В настоящий сборник включён материал самого разно-

образного характера. Сегодняшний день перекликается здесь с героическим прошлым русского народа, самоотверженный тыл кровавыми нитями связан с боевыми делами фронта, а все материалы сборника выражают одну мысль — советский народ преодолеет любые трудности и победит в борьбе с германским фашизмом!

В таком идейном плане должна готовить своё выступление каждая агитбригада. Отражая в райках, частушках злободневные местные факты, увязывать их с общей задачей советского фронта и тыла — все силы на разгром врага!

Несколько слов о технике использования материалов сборника.

Так, например, беря за основу частушку Н. Макова № 2 из цикла «Что посеешь — то пожнёшь!»:

«Говорит Косимов вволю,
А делишки часто швах...
От таких «трудо́в» мозоли

Будут лишь на языках!», — её можно применять в различных вариантах, изменяя текст первой строки: «Говорит Панфилов вволю» (замена фамилии), «Ваня наш болтает вволю» (замена слов при сохранении размера стиха) и т. д.

Обработка райка, не обладающего строгим стихотворным размером и имеющего только несложную рифму, ещё более проста.

В каркас райка в определённом месте вставляется какой-нибудь злободневный факт, описанный в рашенной форме.

Для примера в раек Н. Макова «Колхозная весна»

мы можем вставить эпизод с местным лодырем, примерно, так: «Или вот, товарищи, такое дело: обязался Петров быстро выполнить план сева, взялся за работу ретиво, да «пороху» на это нехватило, лень-матушка его заедает, ударно работать мешает».

Каждая агитбригада должна готовить своё выступление так, чтобы дать колхозному зрителю высокохудожественное, качественное зрелище, потому что даже хорошая по содержанию программа при плохом исполнении не даёт должного массового эффекта и не окажет политического воздействия на зрителя. И главное помнить всегда об одном — агитировать художественными средствами нужно страстно и правдиво, горячо донося до слушателя живое большевистское слово.

В. Димарев.

Репертуар Алтайского ДИТ.

ЗА ВОЕННЫЙ УРОЖАЙ!

(Литературная композиция для худож. агитбригады).

1 чтец (муж. голос). Весенний сев! Всего два слова,
голос). Но сколько жизни, силы в них!
Земля под снегом, но готова
Принять весь жар трудов твоих!

2 чтец (жен. голос). Пусть хмуры тучи в непогоду,
голос). Пусть ветер всё ещё свирен,
Апрель трубит, зовёт к походу
За урожай, за новый хлеб!

1 чтец. Он в дни войны решает грозно
Судьбу больших упорных битв!

Муж. голоса. Огнём бойца,

Жен. голоса. Трудом колхозным

В с е: Враг будет сломлен и добит!

Ведущий. Упорным, стахановским трудом
на посевном фронте поможем

героическим воинам Красной
Армии разгромить ненавистных
немецких захватчиков и изгнать
их из пределов нашей священной земли!

**Переключка
голосов.**

На фабриках,

В колхозах,

На заводах

И днём и ночью в битвах трудовых

2 чтец.

Стахановцы, порой забыв про отдых,

Куют успехи будней боевых!

1 чтец.

Товарищи! Дадим друг другу слово

Работать так, чтоб с гордостью сказать:

В с е:

Мы тоже часть отряда боевого,

Мы тоже помогаем побеждать!

Ведущий.

Товарищи колхозники! Слушайте, что
пишут нам с фронта наши земляки-
алтайцы (читает): «Громя врага на
линии огня, мы зорко следим, товарищи,
как вы работаете в тылу, помо-
гаете нам в трудной и тяжелой борьбе
с кровавыми полчищами фашизма.
Фронт надеется на вас, товарищи кол-
хозники; помните наш наказ: хлеб —
это те же боеприпасы».

1 чтец.

Мы помним о вашем наказе,
Дорогие земляки-алтайцы!
Сегодня мы с вами в боевых
Рядах в битве за родину.
Наш фронт — весенний сев!

2 чтец.

Ведь недаром боец говорит:
— Колхозник, подтянись и подтяни
соседа.

С тобою вместе мы за родину стоим
И вместе подлого врага уничтожаем.
Я силою своей и мужеством своим,
Ты — хлебной силою, могучим уро-
жаем!

1 чтец.

Перекличка
голосов.

Наш отпор врагу горяч и дружен!
На фронтах,
В тылу,
Со всех сторон...

В с е:

Мы идём в поля во всеоружьи,
Мы идём — на урожайный фронт!
Добьёмся урожая мы, —
Втройне,
Земля,
Рожай!

Пожалте,
Уважаемый
Товарищ урожай!

(«Марш посевной кампании» на мотив «Эх, вы, ко-
ни, вы, кони стальные» муз. Дунаевского, слова
Н. Макова. Исп. хор).

В. Чиликин.

Репертуар Алтайского ДНТ.

ОТВАГА И ТРУД — ВСЕХ ВРАГОВ СОТРУТ!

Действующие лица:

1. Дед Нефед.
2. Бабка Матрёна.
3. Хор. Гармонист.

Нефед: Друзья и подружки
— Пожилые и молодухи,
Сынки и внучата
— Пареньки и девчата
И все прочие, до работы охочие!
Дед Нефед
Передаёт вам свой привет
И горячее пожелание —
Успешно провести весеннюю посевную
кампанию.
Погодка-то ныне — отменная,
А время-то ныне военное!
Ваши мужья, сыновья и братцы
Пошли с фашистами насмерть драться,
Чтобы родину советскую от них спасти,
Чтобы гадину немецкую стереть — смести.

Хор: Товарищ! Отчизну свою береги,
Упорной работой бойцу помоги!

Нефед: Слова колхозника Нефед
Всегда правдивы и просты:
Чтобы скорей пришла победа,
Обязан ты, и ты, и ты

На фронте биться за двоих,
В тылу трудиться за двоих.
Отвага и труд —
Всех врагов сокрут!

Хор: (на мотив «Катюши») Наступили вешние денёчки,
Подоспела жаркая пора.
Пусть гудят с утра до поздней **ночки**
На полях колхозных трактора!
Мы страну зерном вооружаем,
Наша помощь фронту дорога.
Весь Алтай военным урожаем
Ополчился нынче на врага.
(Входит Матрёна).

Матрёна: Привет собранью!
Нефед: Вот те на!
Сюда пришла моя жена.
Ну, значит, будет скоро
У нас большая ссора.
Уже восьмой десяток лет,
Как между нами миру нет.

Матрёна (к Нефеду): А это что за чудо?
Ты, чучело, откуда?
Нефед: Матрёна, лапушка моя,
Не огорчайся! Это — я.

Матрёна: Неужто? Очень рада,
Тебя-то мне и надо.

Нефед: Ну, вот, начинается,
Пилить собирается...

Матрёна: Голова твоя бела,
А забыл ты про дела,

Борода твоя седа,
Да не знаешь ты стыда.

Нефед: Ух, сердита-ядовита,
Прямо лешему родня.
А срамить перед людьми-то
Будто не за что меня.

Матрёна: Нет, есть за что, есть за что, есть за что!

Нефед: А ну, ну, ну? Какая причина?

Матрёна: А та причина,
Что ленивый ты, старичина!

Нефед: Я? Да разве это лень,
Если с давних пор мы
Выполняем каждый день
По четыре нормы?
Твой Нефед хотя и древний, —
Не шути!

Лучший пахарь на деревне, —
Не шути!

Боронить умею чисто, —
Не шути!

А могу за тракториста, —
Не шути!

Матрёна: Расхвастался дед
На старости лет!

Нефед: Стар-то стар,
Да стахановцем стал.

Матрёна: Ты — герой колхозных нив,
Заявляю смело,
А на песни ты ленив,

Вот какое дело.

Нефед: Мы греха не утаим
И ответим честно:
С хриплым голосом моим
Петь неинтересно.

Матрёна: Ну, будет тебе кочевряжиться-то. Хочешь я
тебя петь научу?

Нефед: Хочу.

Матрёна: Тогда. — открой рот.

Нефед: Ну вот.

Матрёна: Теперь тяни.

Нефед: (растягивает рот пальцами). Ещё, али будя?

Матрёна: Да ты голосом тяни, голосом.

Нефед: Не понимаю...

Матрёна: Ну вот так: а-а-а-а!

Нефед: (затыкает уши). Ух, басиста-голосиста,
Жаль, что нету гармониста.
Голос из публики — Есть!

Нефед: Ну, тогда прошу присесть,
(выходит гармонист)
А теперь сыграй частушки
Для меня и для старушки.

Матрёна (поёт):
Наша вольная земляца
Дышит гневом неспроста,
Враг ничем не поживится
Кроме гроба да креста.

Нефед: Эх, потрянуть стариной
Да блеснуть сединой (пускается в пляс).

Матрёна: Для фашистского бандита
Два пути у нас открыто,

Выбирай, проклятый гад,
Либо — к чёрту, либо — в ад!
Мы богатым урожаем
Наши силы умножаем.
Каждый колос, каждый плод
Точно пуля немца бьёт.

Нефед: А урожай, друзья мои, подружки, весной
делается.

Только весна ждать не любит —
Коль проспнись её,

так позже

Не догонишь по пятам,
Не возьмешь её за вожжи,
Не привяжешь к воротам.
Весной — каждый час дорог.
Посеял в срок — убрал хлеба ворох,
И себе — пирог
И бойцу помог.
Так что-ли, старуха?

Матрёна: Правильно, дед, правильно.

Х о р: Пусть каждый помнит,
Что весенний день — год кормит.
А не худо бы поведать кой-кому
Про ленивого работника Фому.
Он лежал на печи,
Да жевал калачи.

Ну, жевал—жевал, да всё и сжевал. А потом и
говорит:

— Печь, а печь, почему калачей не хочешь печь?

А та и отвечает:

— Амбар муки не даёт!

Он к амбару:

— Амбар, а амбар, почему муки не дал?

— Мельница не смолола.

Он к мельнице:

— Слушай, мельница, ты что зерно не мелешь?

А мельница ему:

— Поле в зерно отказало.

Он к полю:

— Слушай, поле, мельница мне сказала, что ты ей
в зерно отказало?

Вот тут-то поле на него и набросилось:

— А ты, лодырь, когда меня пахал?

Ну, Фома подумал-подумал, почесал в затылке и
говорит:

— Кажись, в июне.

— То-то, что в июне. А сеял когда?

— Да, кажись, о ту же пору.

— И ты хочешь, чтоб за такие дела земля тебе хлеб
родила? Нет уж, голубчик, не взыщи, теперь ты
сиди и в кулак свищи!

Нефед: Умственная сказочка, что и говорить. Между
прочим, сейчас и на фронте посевная в пол-
ном разгаре: и пахут, и боронят, и фаши-
стов хоронят. У нас об этом хорошая песен-
ка сложена. Начинай-ка, жена!

(Матрёна начинает, хор подхватывает).

Хор: (на мотив «Шли по степям»)

Ходят—клубятся тучи грозовые,
Алая кровь смочила ковыли.

Не трактора, а танки боевые
Мы по полям широким повели.
Правит рука стальными крепостями,
Храбрость и гнев сегодня у руля.
Здесь, на фронтах, фашистскими костями
Мы засеваем тучные поля.
Тесным кольцом врага мы окружаем,
Косим свинцом фашистские ряды,
Наша победа будет урожаем
Этой большой, невиданной страды.

Матрёна: В старой поговорке говорится: «Повадился
кувшин по воду ходить, тут ему и голову
сложить».

Нефед: А вот тебе та же поговорка на новый лад:
Захотели фрицы
Чужой землицы,
Пошли фрицы
На наши станицы,
Тут им мертвым и свалиться!

Матрёна: Правильно. На чужой каравай рта не
разевай.

Нефед: Фашистскую утробу только пулей
накормишь.

Матрёна: И это верно. Ты, старик, горазд у меня на
поговорки-то,
За это я тебе одну новость скажу.

Нефед: А ну-ка?

Матрёна: Я получила письмо от внука.

Нефед: От Ванюшки? — Вот радость-то!

Матрёна: Ещё какая!

Исфед: Ну, читай, не томи ради бога!

Матрена: А ты подожди немного
И не вертись, как петух на насесте.
Полевая почта номер двести.
«Пишу под грохот батарей
На каске боевой.
Лети, письмо, лети, скорей
По почте полевой:
Лети в далёкие края,
Где, стоя у крыльца,
Старушка милая моя
Ждёт вести от бойца.
Тебя обрадовать спешу
Я парой тёплых слов,
Тебе, родимая, пишу,
Что жив я и здоров.
Что кровь не вытечет из жил
На синие снега,
Покамест я не уложил
Последнего врага.
Я вспоминаю дом и сад,
И комнатный уют,
И всё, за что жестоко метят,
И что не отдают.
Назрела яростная месть
В тревоге боевой.
Лети, коротенькая весть,
По почте полевой.
Скажи, что с песнями побед,
К веселью и труду,

Не знаю, скоро или нет,
Но всё-таки приду».

Нефед: А ну, гармонист, сыграй плясовую по этому
случаю!

(Гармонист играет «Во саду-ли». Нефед и
Матрёна поют и пляшут).

Во саду ли немца вздули

Храбрые молодчики,

Угостили гада пулей

Снайперы и лётчики.

Ты, кума, моя Маланья,

Выполняй своё задание,

От работы будет прок,

Если мы посеём в срок.

Матрёна: Однако, старик, пора нам и на работу идти.

Нефед: Действительно пора. Итак, друзья мои,
подружки,

Скажу я вам, поведаю —

Придут домой с победою

Отважные бойцы —

И братья и отцы.

Пройдут они околицей

И солнцу им поклонится,

Их встретит море нив,

Кодосья наклонив.

И сердцем успокоены

«Спасибо, — скажут воины, —

За помощь и за труд!»

И руки нам пожмут!

ЧЕЛОВЕК С ФРОНТА.

Одноактная пьеса.

Действующие лица: Оля.

Глаша.

Мандрыка

Человек с фронта.

Действие происходит зимой 1941—42 г. в одной из деревень Приуралья.

Сцена: Комната в правлении колхоза. Три—четыре стула, стол, шкаф с делами, жёсткий диван. На столе телефон, лампа, графин с водой, стакан, счёты, папки, письменные принадлежности. На стенах портреты вождей, военные и сельскохозяйственные лозунги и плакаты, часы-ходики. Одно—два окна, дверь.

1. Часов 10—11 ночи. На диване спит человек с фронта, завернувшийся с головой и ногами в тулуп, подушку ему заменяет вещевой мешок. Возле дивана, на стуле, шарф и варежки. За столом Мандрыка. Он работает.

Мандрыка (потягивается, зевает, смотрит на часы). Годи! Пора и на боковую! (Складывает дела. Телефонный звонок). Телефон. Чи шо? (наклоняет голову, прикладывает ладонь к уху, прислушивается. Настойчивый телефонный звонок). Гм... Телефон! (Удивлённо пожимает плечами, берёт трубку). Слушаю... Счетовод колхоза «Новая жизнь» Остап Мандрыка... Кто? Говорите громчей, бо я трошки на ухо слабоватый... шо..? А-а?

Здравствуйте вам, Фёдор Иванович!... Слушаю... Та говорите громчей! Чи вы простудили себе горло, чи шо? (Изумлён). Мортиру? Якую Mortиру? У нас же, я извиняюсь, правление колхоза, а не артиллерийский склад... А-а! Квартиру! Для товарища с фронта, переночевать!.. Уже, Фёдор Иванович! Есть! У деда Софрона — самая лучшая хата!.. Телько пока наша Фрося ходила до него, то фронтовой товарищ прилёт на диван, да и заснул... Известно, человек с фронта, раненый, две недели в дороге... А?... Шо?

592351
Та говорите же громчей, ради бога — чи вы там варениками подавились, чи шо?... (Изумлён). Гамаша! Якие гамаша?... У нас же, я извиняюсь.. Шо? А-а мамаша... Будет ему и мамаша. Ну, як же хиб-ж я не беженец сам!... Мы же с ею земляки — чуть не с одного села, она с под Умани, а я с под Полтавы. Будьте спокойны, Фёдор Иванович, и за мамашу и за квартиру — всё будет в порядке... Шо? С героем... Балакали трошки... Бачил фронтовую газету, читал описание боевого подвига: целый взвод фашистских гадюков с одного пулемёта — начисто! Як бритвой!... Добре, Фёдор Иванович, добре... Пока! (положил телефонную трубку. Смотрит на диван, улыбается). Добре спит — аж завидно! (Потягивается, зевает).

2. Влетает Оля — запыхавшаяся, возбуждённая.

Оля: Товарищ Мандрыка...

Мандрыка: Тсс! Тихо! (показывает на диван) Хиб-ж не бачите.

Оля: Товарищ Мандрыка, я слышала... Мне сказали — человек с фронта приехал?

Мандрыка: Тсс! Тихо, вам говорят! Тут человек с фронта приехал, а вы...

Оля: Так это он (устремляется к дивану).

Мандрыка: (ухватив её за руку) Куда?

Оля: Я только взгляну...

Мандрыка: Не позволю! Бо я за него отвечаю... Понятно?

Оля: Его фамилия Мищенко? Да? Мищенко?

Мандрыка: Тсс! Тихо! Говорите мне на ухо, бо меня тройки продуло... Ну?

Оля: (приподнимаясь на цыпочки к уху Мандрыки) Его фамилия Мищенко?

(Мандрыка утвердительно кивает головой).

Оля: (бросается к дивану) Петя!

Мандрыка: (отталкивая её). Чи вы сказались, чи шо? Геть отсюда!

Оля: Да, ведь это же мой муж! Понимаете? Муж!

Мандрыка: А я вам шо объясняю? Чи вам позаложило уши, чи шо? Я же вам объясняю, шо человек — с фронта, две недели в дороге, приехал в отпуск, скоро поедет обратно — опять же на фронт! Будьте сознательная!

Оля: Да ведь я же его жена! Понимаете? Жена! Жинка!

Мандрыка: Жинка! Правильно! Ну, так шо? Раз жинка, то значит надо человека тревожить? Ай-ай-ай!.. Годи! Пошли!

Оля: Нет, нет! Я подожду здесь пока он просиётся. Я посижу здесь хоть да завтра! Слышите? Хоть до завтра!

Мандрыка: О! це резонно! Ясно — до завтра! Бе-
як то люди кажут: «Утро вечера мудренее»... Идёмте,
не будем беспокоить человека с фронта, нехай набирает-
ся силы... пошли!

Оля: (в отчаянии) Боже мой, ну как мне ему об'яс-
нить? Обождите. Минуточку!.. (подбегает к столу, пи-
шет).

Мандрыка: Ну, шо вы на это скажете? И чего её
так разобрало?

Оля: (подаёт записочку) Вот! Прочитайте!

Мандрыка: (читает) «Нельзя же оставлять его одно-
го. Может быть ему понадобится медицинская помощь.
Я буду около него дежурить, пока он проснётся».
(Очень доволен). О! це резонно! Так бы и говорили сра-
зу?... Ну, шо ж, подежурьте, а я вам на подмогу зараз
Фросю пришлю, бо вы же не знаете, мабудь, где соф-
ронова хата?

Оля: Какую Фросю? Причём тут софронова хата?

Мандрыка: Шо? Говорите мне на ухо, бо я...

Оля: Ну ладно, ладно! Фросю, так Фросю!

Мандрыка: Це скоро.

Оля: Хорошо, хорошо!

Мандрыка: (уходя) Дежурить пришла... Ну, шо вы
на это скажете! (Уходит).

Оля: (устремляется к дивану) Петенька!... (пытает-
ся заглянуть под тулуп). Завернулся-то как, не от-
кроешь!... Намёрзся, должно быть, устал... (заметила на
стуле шарф и варежки, берёт их). Это его, петинны.
(Рассматривает) — Домашняя вязка. Мой-то, должно
быть, уже износил... А эти, кто их вязал?... Может

быть девушка... или старушка какая-нибудь... Связала и послала на фронт в подарок... Спасибо ей... (Прижимает варезки к сердцу, ласкает) Спасибо, спасибо! (педует). (Склоняется над диваном, прислушивается). Дышит ровно, спокойно... Спи, мой миленький... (ласково гладит тулуп).

(Вбегает Глаша — очень взволнованная).

Глаша: (изумлённо) Оля!

Оля: Тсс! (указывает на диван) Видишь?

Глаша: (задыхаясь от радости) Он?

Оля: Он!

Глаша: (бросается к дивану) Николушка!

Оля: Что ты, Глашенька? Ты с ума сошла? Это же — Петя.

Глаша: (растерянно) Петя?... А где же... где же мой?

Оля: (изумлённо) Твой? Разве он тоже приехал?

Глаша: Ну, да! Мне сказали, что он здесь!

Оля: Здесь? Не видала.

Глаша: И даже такую подробность, что спит на диване.

Оля: Это тебе кто сказал?

Глаша: Соседка телефонистка.

Оля: Странно...

Глаша: Она слышала разговор — звонили из райкома.

Оля: Кому?

Глаша: Мандрыке. И называли ясно фамилию — Тищенко. А Мандрыка сказал, что он спит на диване.

Оля: Глашенька, дорогая моя, мне очень жаль тебя

огорчать, но твоя телефонистка ошиблась, это мой Петя спит на диване.

Глаша: Но она же своими ушами слышала...

Оля: Говорили о Мищенко, а ей послышалось Тищенко. Это же очень похоже, это же так легко перепутать — Мищенко, Тищенко — тем более по телефону.

Глаша: (совершенно растерянно) Как же так.. Нет, нет, она не могла ошибиться!

Оля: Мне Мандрыка сказал.

Глаша: Вот как! Знаешь, если моя телефонистка могла ослышаться, то Мандрыка и тем более — он же глухой, как полено.

Оля: Да, но...

Глаша: Что но?

Оля: При чём тут его глухота. Он же не ушами смотрел на него! Он его видел! Понимаешь! Видел!

Глаша: А разве он твоего Петю знает в лицо?... Дорогая моя, мне очень жаль тебя огорчать!...

Оля: Нет, нет! Это Петя! Я в этом уверена!

Глаша: Послушай!

Оля: Нет, нет!

Глаша: Но, ведь и у меня точно такие же основания...

Оля: Нет, нет, нет! Всё равно!

Глаша: (пожимает плечами) Чудачка! (Идёт к дивану).

Оля: Не трогай его! Я не позволяю!... Человек с фронта, две недели в дороге...

Глаша: Что же мы будем делать?

Оля: Ничего... Сядем и будем ждать, когда он просиётся.

(Глаша садится поближе к дивану, Оля к столу. Она мурлычет, барабанит пальцами по столу, графину, стакану, счётам).

Глаша: (берёт шарф и варежки, разглядывает) Это — козины?

Оля: Да... петины.

(Глаша делает с шарфом и варежками почти то же, что делала с ними Оля — прижимает к груди, ласкает, но старается делать это незаметно для Оли).

Оля: (искоса, ревниво наблюдает за Глашей, всё больше и больше нервничая. Наконец не выдержала). Что ты делаешь с варежками?

Глаша: (сконфуженно) Ничего... так... рассматриваю...

Оля: (с нервным смехом) Ты, кажется, их... целуешь?

Глаша: (вспыхнула) А ты — ревнуешь?

Оля: Ревную? Вот забавно. С чего ты взяла?... Я... я только хотела тебе сказать, что это — не гигиенично... Они-же всё-таки грязные...

Глаша: (поднялась. Бросила на стул шарф и варежки). Ты сегодня просто невыносима!

(Телефонный звонок).

Оля: (берёт трубку) Да... да... Слушаю... Мандрыка ушёл. Не знаю. Товарищ с фронта? Он здесь... Он спит... Кстати, скажите как его фамилия? Мищенко или Тищенко. (Поражена). Как? Как вы сказали? Какая первая буква... (Растерянно) Нет... я так... ничего... (Положила трубку, молчит).

Глаша: (нетерпеливо) Ну?... Оленька. Да ты плачешь? Значит не Петья? Да?... Мандрыка ошибся?..

Оля: Оба ошиблись... И Мандрыка... и телефонистка.

Глаша: Оба?... Не может этого быть?... А как же?...
А кто же он?

Оля: И не Мищенко, и не Тищенко... Его фамилия—
Ищенко.

Глаша: Ищенко?

Оля: Да... Ищенко... (с грустной улыбкой) ни «ме» — ни «те». Ни мне, ни тебе... (вздохнула) Ну, что же, Глашенька, ничего не поделаешь...

Глаша: Да... Конечно... (Села. Задумалась).

(П а у з а).

Глаша: Ну... и что же теперь?

Оля: Ничего... Иди домой, а я здесь подежурю.

Глаша: Почему же ты, а не я?

Оля: Почему — ты, а не я? (смеются).

Глаша: Будем дежурить обе.

Оля: Ну да! Когда он проснётся, ему будет приятно, что вот, две женщины сидят около него — ночью, не спят, дежурят.

Глаша: Знаешь, у меня такое чувство сейчас, будто в нём всё-таки есть какая-то часть моего Николая... Всё равно командир ли он, или рядовой красноармеец, старик ли, молодой ли, интересный или неинтересный... всё равно! Понимаешь?

Оля: Понимаю, Глашенька... Он—человек с фронта.

Глаша: Да... Он — человек с фронта... Оттуда, где решается вся наша судьба... где наши самые близкие

люди... Мне бы очень хотелось сделать ему что-нибудь, очень приятное...

Оля: И мне тоже. Что-нибудь подарить... Жаль, что у меня нет ни табаку, ни папирос.

Глаша: И у меня нет ничего подходящего. (Вскочила со стула). Стой! Кажется, есть!

Оля: (живо). Что?

Глаша: Идея!

Оля: Какая?

Глаша: Секрет! Я сейчас (убегает).

4. **Оля:** (вдогонку) Глаша!.. Глаша!.. Противная!.. (телефонный звонок. Берёт трубку). Да, да, да... Слушаю... Чей адрес? Матери товарища Ищенко? Сейчас запишу... (записывает) Сосновка... Красноармейская улица... дом 23... около сельсовета... Записала! Кто передал? Приняла — Мищенко... Ми, ми, мя!.. Михаил, понимаете?.. Разумеется, передам (положила трубку).

5. Входит Мандрыка.

Мандрыка: Ну? Як наш герой?.. Не просыпался?

Оля: Нет... Вот телефонограмма... Просили вам передать адрес матери Ищенко.

Мандрыка: (прочёл) Так я ж его знаю и так! Из РИК'а передавали?

Оля: Из РИК'а.

Мандрыка: О! беспокоятся люди! Шо значит — забота о человеке с фронта!... Завтра дадим нашему герою такого коня — к обеду будет в Сосновке... (выпивает стакан воды) Заморился с нашими жинками!... Ну, шо это за люди, скажите на милость — то же золото! Як почували, шо приехал человек с фронта, так

проходу от них нема!... Кто он для них? Ни брат, ни сестра, ни кум, ни кума! А побачьте — шо оно робится — як мухи на сахар! Ну, шо на это скажете! Та — с мѣдом, та с ватрушками, та с пирогами, та зазывает до своей хаты, та — до своей... Пусти их сюда — они же человека на части растащат! А я ж за него отвечаю, бо никого из начальства нема — все на пленуме! Я один! Добре, шо догадался поставить у ворот Фросю, шооб никого сюда не допускала, шооб всех посылала до софровой хаты — нехай там буде для нашего гостя, як то по-столичному называется — банкет! А вам смена требуется?

Оля: Нет, нет, не нужно, не беспокойтесь!

Мандрыка: Вам же с утра на работу.

Оля: Всем на работу.

Мандрыка: Добре!... Пойду проверить, як там оно у деда Софрона.

(Уходит).

6. **Оля:** (задумчиво) Та — с медком... та — с ватрушками, та — с пирогами... А ты, Олечка, с чем?... Глаша что-то придумала, а у меня ничего... Как ничего? Я же могу купить у Веры Борисовны набор принадлежностей для бритья! Вот это будет сюрприз! А как же я пойду к Вере Борисовне? Он проснѣтся, а тут — никого! Вот, тебе и дежурная!...

7. (Вбегает Глаша с изящным миниатюрным чемоданчиком).

Глаша: Вот и я! Вот и сюрприз!

Оля: (потрясена) Купила у Веры Борисовны?

проходу от них нема!... Кто он для них? Ни брат, ни сестра, ни кум, ни кума! А побачьте — шо оно робится — як мухи на сахар! Ну, шо на это скажете! Та — с мёдом, та с ватрушками, та с пирогами, та зазывает до своей хаты, та—до своей... Пусти их сюда — они же человека на части растащат! А я ж за него отвечаю, бо никого из начальства нема — все на пленуме! Я один! Добре, шо догадался поставить у ворот Фросю, шооб никого сюда не допускала, шооб всех посылала до софроновой хаты — нехай там буде для нашего гостя, як то по-столичному называється — банкет! А вам смена требуется?

Оля: Нет, нет, не нужно, не беспокойтесь!

Мандрыка: Вам же с утра на работу.

Оля: Всем на работу.

Мандрыка: Добре!... Пойду проверить, як там оно у деда Софрона.

(Уходит).

6. **Оля:** (задумчиво) Та — с медком... та — с ватрушками, та — с пирогами... А ты, Олечка, с чем?... Глаша что-то придумала, а у меня ничего... Как ничето? Я же могу купить у Веры Борисовны набор принадлежностей для бритья! Вот это будет сюрприз! А как же я пойду к Вере Борисовне? Он просвётся, а тут — никого! Вот, тебе и дежурная!...

7. (Вбегает Глаша с изящным миниатюрным чемоданчиком).

Глаша: Вот и я! Вот и сюрприз!

Оля: (потрясена) Купила у Веры Борисовны?

Глаша Ну, да! Целая походная парикмахерская! Всё для бритья (кладёт чемоданчик на стол, открывает). Полюбуйся! Хорошо придумала? Правда?

Оля: (с деланным равнодушием) Как тебе сказать...

Глаша: Тебе не нравится? Ты недовольна?

Оля: Нет, ничего... Я только хотела сказать — вдруг он окажется таким бородатым — до пояса! «А мне, скажет, ваши бритвенные принадлежности ни к чему, мне моя борода дороже».

Глаша: Что ты говоришь, Оля! Кто же теперь носит такие бороды?

Оля: А вдруг?

Глаша: Глупости, Оля! Я об этом даже не хочу ни думать, ни говорить.

Оля: (упрямо) А вдруг?

Глаша: Просто тебе это кажется дорогим и ты не хочешь войти в пай...

Оля: В пай... А ты меня приглашала?

Глаша: (преувеличенно, церемонно) Ах, простите, пожалуйста, Ольга Андреевна! Разрешите покорнейше вас просить оказать мне такую честь!...

Оля: Глашка! Голубка моя! (кидается ей на шею)

Глаша: Глушенькая... Значит ты думала...

Оля: Ничего не думала... Просто я дура набитая, вот и всё. Знаешь — мы этот сюрприз поставим на стул около дивана и положим соответствующий «адрес».

Глаша: А, вдруг, у него «борода»?

Оля: Кто же теперь носит бороды?

(хохочут)

Глаша: Ниши адрес.

Оля: (садится за стол) Как мы напишем?

Глаша: «Герою-фронтовику товарищу Ищенко от жён фронтовиков: Ольги Мищенко и Глафиры Тищенко...» Вот и всё!

Оля: Правильно! (пишет).

(Глаша устанавливает чемоданчик на стул возле дивана).

Оля: Готово! (показывает написанное).

Глаша: Отлично! (кладёт «адрес» на чемоданчик) Обе, обнявшись, лобуются своим сюрпризом.

Оля: Глашенька, знаешь что — ты молодец!

(Человек с фронта чихнул, зашевелился).

Оля: Просыпается!

Глаша: Спрячемся! (тащит Олю за шкаф).

(Спрятались, наблюдают).

8. Человек с фронта поднимается, скидывает с себя тулуп и оказывается... девушкой. Глаша и Оля изумлены; переглядываются, зажимают рты, чтобы не расхохотаться).

Человек с фронта: (с недоумением смотрит на чемоданчик, читает «адрес») Вот так штука!... Пожалуйста бриться!

(Оля и Глаша не выдержали, расхохотались. Смущённые выходят из-за шкафа).

Человек с фронта: (встаёт, улыбается) Это — ваше?

Глаша и Оля: Видите ли... Мы хотели... Мы думали...

Человек с фронта: Спасибо! Роскошный подарок! Очень, очень вам благодарная! (пожимает сконфуженным Оле и Глаше руки. Возвращается к чемоданчику,

разглядывает отдельные предметы из набора бритвенных принадлежностей, любитесь ими).

(Оля и Глаша окончательно смущены, растеряны сбиты с толку).

Оля: (Глаше шопотом) Ты что-нибудь понимаешь?

Глаша: Ничего, абсолютно!

9. Выходит Мандрыка.

Мандрыка: О! Здравствуйте вам! Товарищ герой уже проснулся? Добре! Идёмте же до софронёвой хаты, бо там уже целое женское собрание, пятый раз самовар подогревается — вас дожидают, а на столе всякой всячины аж на целую роту героев достаточно! (замечил чемоданчик) А це шо за диковина?

Человек с фронта: Подарок! (подаёт Мандрыке «адрес» Оли и Глаши).

(Мандрыка читает «адрес»).

Оля: (Глаше шопотом) Глашенька! Куда ж нам деваться, нас же теперь засмеют!

Мандрыка: (прочёл «адрес», посмотрел на Олю и Глашу, на подарок). Ну, шо вы на это скажете... Это же впрямь — як то оно говорится — «не в бровь, а в глаз»! И як они додумались, а? Як догадались?... Ну, довелись, шо приехал человек с фронта — це я понимаю!... Ну, довелись, шо он — жинка, це тоже понятно, бо Фрося про то уже по всему селу раззвонила!... Но откуда же вы, гражданочки, довелись, шо товарищ Ищенко фронтовой парикмахер?

(Оля и Глаша быстро и весело переглянулись).

Глаша: Это... Это наш секрет, товарищ Мандрыка.

Мандрыка: Шо?

Оля: (приподнимаясь на цыпочки к уху Мандрыки)
Секрет!

Мандрыка: Секрет? Ну, шо вы на это скажете!... Так може вы про то уже знаете, як товарищ Ищенко брила немецких гаюков из пулемёта? Ого! Идёмте же до софреновой хаты — там герой нам расскажет за все свои подвиги досконально! Пошли!

(Забирают с дивана вещевой мешок).

(Человек с фронта накидывает на себя тулуп и берёт чемоданчик. Оля и Глаша подают ему шарф и варежки).

Оля: Ваш шарф...

Глаша: Ваши варежки...

Мандрыка: Я извиняюсь, а только шарф и варежки — це мои (забирает их).

Человек с фронта: (Оле и Глаше) Ваш подарок, товарищи, послужит фронту на славу — за это я вам ручаюсь.

Мандрыка: Пошли! (хлопнул по плечу человека с фронта). А перины для вас приготовила софренова баба аж до самого неба!

З а н а в е с .

Джамбул.

ПЕСНЯ ВЕСНЫ.

Беспокойным, тяжёлым сном
В эту зиму спали поля,
Пел свинец во мраке ночном,
Вражью рвань в сугробы валя.

Наши мирные очаги
Разрушали злобно враги,
Но разгневанный наш народ
Гнал на запад фашистский сброд.
Вот зиме настал конец:
Вешним солнцем пригрет боец
Оживает трактор в тылу,
В землю падают семена,
Дети радуются теплу,
Вновь ручей течёт по руслу,
Вновь берёза соком полна,
Вновь курлычут в синей дали
Перелётные журавли.
Им навстречу старый Джамбул
Руки вновь свои протянул,
Протянул и громко спросил:
«В чём источник жизненных сил?
В чём развязка наших тревог?
В чём победы нашей залог?»
«В нашем солнце, в нашем вожде,
В жажде мести, в дружном труде,
В неразрывности всех частей
Благородной нашей земли».
Так пропел Джамбулу ручей,
Так шепнули соки корней,
Так ответили журавли.
Никогда ни один народ
Не признает в немцах господ.
Разве реки иной страны

Для Дуная мелеть должны?
Разве ходят липа и клён
К можжевелику на поклон?
Разве смолкнет перед совой
Сокол горный и луговой?
Кто отважен и кто силён,
Тот не будет порабощён!
В блеске чистой голубизны
Встретим светлый праздник весны,
С новой мощью ринемся в бой!
С нами Сталин, мои сыны,
Знамя чести над головой!

Николай Маков.
Репертуар Алтайского ДНТ.

ТРУДОВОЙ АПРЕЛЬ.

Снега ещё блещут
Как белая пена,
И крепок утрами
Покров ледяной,
Но всё же,
Как в прошлом году,
Неизменно
И ветер теплее,
И пахнет
Весной.
Туман на равнине
Клубится всё реже,

Ясней горизонт,
Золотистой края...
Промчится неделя,
И будет, как прежде,
Готова к зачатыю
Родная земля!
В далёкие годы
За грузной сохою
Измученный пахарь
Был виден вдали...
Свой каторжный труд
За ничтожные всходы
Он вкладывал
В жёсткую толщу земли...
А нынче
По сёлам
Весёлым прибоем
Доносится говор
И шум деловой,
Мы все
Для похода на папню
Готовы
Как воин,
Идущий
В решительный бой!...
Промчится, как птица,
Неделя, другая,
И смотришь,
Как в прошлом году,
Как всегда,

Живительной влагой
Земля набухает
И силой могучей
Опять налита....
Насытим её
Семенами скорее,
Чтоб жизнь забродила
По восходам сильней!
Спешите на зов
Трудового апреля,
Ударницы вольных
Сибирских полей.

Н. Павленкова.
Репертуар Алтайского ДНТ.

БУДЬ ВОИНОМ.

Если гибнет в огне пожариц
Наше счастье и жизнь, товарищ,
Если созданное мудрым Сталиным
Подлый враг обращает в развалины;
Если ты случайно судьбою
Удалён от фронта и боя.
Будь готовым, как на войне,
К боевой военной весне;
Если ты ударник полей,
Хоть умри, а поля засеи!
От тебя ждёт отчизна клятвы,
Чтоб на труд, как на подвиг ратный,

Твёрдо шёл, не щадя своих сил,
Жизнь бы отдал, а победил;
Чтобы больше в тебе не осталось
И того, что звалось усталость,
Если жизнь тебе дорога,
Если честь тебе дорога,
Должен ты сокрушить врага,
Должен ты победить врага.
Всем, чем можешь, его уничтожь!
Для того ты теперь живёшь.
Вспомни мёртвых, сирот, бездомных
И друзей своих, дом свой вспомни,
На минуту представь в крови
Тех, кто стоит твоей любви,
И все силы свои напруги
Или нас сокрушат враги.
Днём ли, в полночь, иль спозаранку
Будь на тракторе, как на танке,
Будь, как воин на поле битвы
Перед боем кровопролитным.
Ничего не жалея, всё отдай,
Чтоб был счастлив родимый край,
Чтобы вечно могла пшеница
На полях твоих золотиться;
Чтоб раба из тебя, слуги
Не могли бы сделать враги;
Чтобы дождь свинцовый не падал
Над твоею крышей и садом;
Чтобы смерть, всех смертей лютей,
Не пришла на твоих детей;

Чтоб вовек не пройти чужому
К твоему дорогому дому;
Чтобы враг бежал, очумев,
Чтоб победой взошёл посев!

Демьян Бедный.

НА ПОМОЩЬ РОДИНЕ — ВПЕРЕД!

Поднявши знамя боевое,
Включившись в творческий поход,
В соревнованье трудовое
Вступил колхозный весь народ.
На вражьи наглые угрозы
Отвечом грозным, громовым
Гремят советские колхозы
Соревнованьем трудовым!
У них ответственное место
Кормильцев фронта и страны.
И знают все, каков их вес-то
А особливо — в дни войны!
Их трудовым порывом ярим
Мы убеждаемся вполне,
Что фронт колхозный мы недаром
С военным ставим наравне.
Побед колхозных счёт откроем.
Боец, равняйся по героям,
Чтоб стать героем в свой черёд!
Вперёд, колхозы, дружным строем!
На помощь родине — вперёд!

КЛЯТВА ТРУЖЕНИКА.

Я клятву дал, — пока дышать могу,
Да будут собраны все помыслы, все силы,
Чтобы сильней ударить по врагу,
Чтобы верней служить моей отчизне милой!
Заботы мелкие пускай уходят прочь!
Пусть сердце полнится одной большой заботой
Скорей и лучше родине помочь
Ударной, боевой, невиданной работой!
Мой брат и друг, ты борешься с врагом,
Готов в любой момент я встать с тобою рядом,
А нынче я на поле, за станком: —
Даю народу хлеб и шлю тебе снаряды.
Клянусь тебе, мой брат, товарищ и герой,
Блянусь, как патриот, всей матери-отчизне:
Отдам для фронта всё — весь пыл и опыт свой,
А если жизнь нужна, — не пожалею жизни!
Чтоб дать отпор смертельному врагу,
Да будет мысль ясна и воля твёрже стали,
Я клятву дал: пока дышать могу,
Работать так, чтоб мной гордился Сталин.

В. Лебедев-Кумач.

РАЗГРОМ.

Вся родина взволнована и рада —
В Москве, на фронте, в сёлах и цехах.
Победа под стенами Сталинграда
У каждого сегодня на устах.

И от Кавказа до Владивостока,
От Балтики до северных морей
Народ исполнен гордости высокой
За доблестных своих богатырей.

Он славит полководцев и героев,
Спешит достойным почести воздать
И повторяет имя дорогое
Того, кто научил нас побеждать.

И надо всей измученной вселенной
Благая весть летит, как вешний гром:
Невиданный в истории военной
Блистательный, классический разгром!

Да, бой такой едва ли снился дедам!
Но нам успех не кружит головы,
Вперёд! Вперёд к решительным победам!
Зовёт нас голос матери-Москвы.

— Вперёд! Вперёд, сметая все преграды!
Пусть вдохновит вас сталинский приказ,
Пусть озарит вас солнце Сталинграда,
И слава родины пусть увенчает вас.

Ц. Солодарь.

ЗНАМЯ.

Как воля народа, как знамя победы,
Как голос присяги, сзывает бойцов
Величие предков, бесстрашие дедов
И грозное мужество наших отцов.
Оно не иссякнет, оно не померкнет,
Их дух непреклонен и неугасим.

Рождённое в битвах презрение к смерти
Они завещали потомкам своим.
Запомни, товарищ: в бою и в разведке,
На всех перепутьях священной войны —
С тобою, товарищ, великие предки,
Бессмертные люди бессмертной страны.
В сердцах мы храним их дела, как святыни,
Сжимая оружие твёрдой рукой.
Вы с нами сегодня, Пожарский и Минин,
Ты с нами сегодня, Димитрий Донской!
И Невского клич, неумолчный и громкий,
Скликает на бой исполинскую рать:
Умейте стоять за Россию, потомки,
Как мы за Россию умели стоять!
Наш воинский путь — хоть тяжёл он и труден —
Проложим мы в горах тевтонских голов.
И мы не согнёмся, мы — русские люди,
Мы дети кутузовских славных орлов.
И наши заставы, пикеты, дозоры,
Полки, проходящие с боем вперёд,
Обходит в ночи полководец Суворов
И за сердце нас его слово берёт.
И пусть тяжело нам, — мы верим в победу!
Как солнцем, мы знаменем осенены.
В нём мужество предков, бесстрашие дедов,
Оно нас ведёт по дорогам войны.
И с честью его мы вручим поколениям
И гордо мы скажем потомкам своим:
«Вот знамя победы — его вознёс Ленин,
И Сталин нас вёл в наступление с ним!»

РУСЬ.

I.

Под большим шатром
Голубых небес
Вижу — даль степей
Зеленеется,

И на гранях их,
Выше тёмных туч,
Цени гор стоят
Великанами.

По степям в моря
Реки катятся,
И лежат пути
Во все стороны

Посмотрю на юг —
Нивы зрелые,
Что камыш густой,
Тихо движутся;

Мурава лугов
Ковром стелется,
Виноград в садах
Наливается.

Гляну к северу —
Там, в глуши пустынь,
Снег, что белый пух,
Быстро кружится;

Подымает грудь
Море синее,

И горами лёд
Ходит по морю;
И пожар небес
Ярким зарёвом
Освещает мглу
Непроглядную...

Широко ты, Русь,
По лицу земли,
В красе царственной
Развернулася!

У тебя ли нет
Поля чистого,
Где б разгул нашла
Воля смелая?

У тебя ли нет
Про запас казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?

У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой
Громких подвигов?

2.

Перед кем себя
Ты унизила?
Кому в чёрный день
Низко кланялась?

На полях своих
Под курганами,

Положила ты
Татар полчища,
И давно ль было,
Когда с запада
Облегла тебя
Туча тёмная?...

Под грозой её
Леса падали,
Мать-сыра земля
Колебалася,
И зловещий дым
От горевших сёл
Высоко вставал
Чёрным облаком.
Но лишь кликнул вождь
Свой народ на брань, —
Вдруг со всех концов
Поднялася Русь,
Собрала детей,
Стариков и жён,
Приняла гостей
На кровавый пир.
И в глухих степях
Под сугробами
Улеглись спать
Гости навеки.

Хоронили их
Вьюги снежные,
Бури севера
О них плакали!...

... И во всех концах
Света белого
Про тебя идёт
Слава громкая.

Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,
Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде,
Сложить голову!

А. Рсманов.

Репертуар Алтайского ДНТ.

НАС ДУШИТ НЕНАВИСТЬ.

За окнами убегающие огоньки станционных будок и раз'ездов. Бескрайние солончаки Барабинской степи. В купе шумно. Около группы фронтовиков собрались пассажиры.

Каждый хочет слышать их простые, волнующие рассказы.

Из тамбура выходит военная медицинская сестра в накиннутой на плечи тяжёлой солдатской шинели.

Робкой, неуверенной походкой идёт она вдоль вагона.

Орден Ленина украшает её грудь. На молодом лице отпечаток преждевременной старости. Седые, спускающиеся на плечи волосы придают лицу красоту не-

обычайную, суровую. Но глаза, что с ними? Почему они так безжизненно пусты!

Бледная рука беспомощно хватает воздух...

— Откройте дверь, — тихо просит она.

Несколько рук быстро протягиваются к двери.

— Вера! — Внезапно крикнули с полки.

Но сестра уже не слышит, дверь закрывается.

— Вы знаете её? — Спросили мы.

С полки ответили:

— Я узнал её по голосу. Знаете кто она?

В вагоне притихли. Люди придвинулись поплотнее.

— В город вошли немцы. Огромное злое знамя со свастикой появилось над зданием, где разместился штаб. На утро другого дня затоптанное в осеннюю грязь, оно валялось в ногах и редкие пешеходы, словно зачумлённое место — обходили его стороной. А сверху, в искрящемся инее величественно реяло красное знамя.

Город замер, затаив в горячем сердце своем силу гнева и жажду мести. Флаг со свастикой вновь появлялся, но так же таинственно исчезал. Город пытали, терзали его лучших сынов и дочерей, но он молчал, храня свою тайну. Неуловимые руки действовали всё более дерзко и решительно. Это они из-под носа зазевавшихся гитлеровцев угнали пятьдесят лошадей. Это они порвали телефонную связь, и ошеломленный немецкий полковник услышал в трубке молодой, гневный голос: «Смерть немецким оккупантам! Уничтожим всех до единого!» Это они заманили в ловушку немецкий взвод и послали полковнику пакет с уведомлением о «несчастье», пос-

тигшем его солдат. Город мстил за поруганную честь, за слёзы и кровь.

Разъярённый полковник хватал каждого, кто хоть сколько-нибудь был подозрителем. Но все попытки нащупать таинственных мстителей были тщетны.

Однажды ранним утром, когда к штабу под'ехал автомобиль, мощной силы взрыв разметал машину и потряс здание. За ним — второй, и огромная стена качнулась, медленно осыпалась, завалив тротуары. В образовавшейся дымовой завесе появилась девушка. Став на одно колено, она бросила одну за другой две гранаты. Со всех концов сбегались немцы. Забыв о предосторожности, она в упор расстреливала бегущих. Её заметили, окружили, она отбивалась, но была схвачена.

Наступило молчание. Затем мы услышали, как и сам он попал в плен.

... Меня бросили в тёмную комнату. Ночью в стеновую щель брызнул тонкий пучок света. Я прильнул к отверстию и увидел комфортабельно обставленную комнату. У стола стоял щеголеватый немецкий офицер. Откинувшись в мягком кресле, сидел мясистый полковник с гладко выбритым лошадиным лицом. Чёрные нафабранные усики казались наклеенными. Полковник смотрел немигающими глазами на девушку, не в силах оторваться. В глазах её, больших и ясных, горели воля и бесстрашие.

— О, эта русская девушка зёр гут! — хрипло пролаял полковник стоящему офицеру. Офицер многозначительно улыбнулся, сказал что-то по-немецки и вышел из комнаты.

Изорванное платье лохмотьями свисало с её плеч. Девушка тщетно пыталась прикрыть свою наготу. Полковник не спускал с неё выпетших белёсых глаз и словно вол жевал, перекладывая во рту янтарный мундштук. Потом он поднялся и, тяжело ступая, двинулся к девушке. Забившись в угол, она расширенными от ужаса глазами смотрела на него. Он подошёл к ней, и я ясно услышал звук пощёчины...

Рассказчик умолк. И все вдруг услышали мерный грохот колёс, о котором уже забыли. Рассказчик дрогнувшим голосом продолжал:

— Я всегда шёл на допрос следующим после девушки. Полковник любой ценой хотел захватить боевую группу. Неуловимая, она стала ещё смелее.

Прошла неделя, страшная, мучительная неделя. В одну из последних ночей я вновь оказался бессильным свидетелем очередного допроса. Была полночь. Осунувшейся и постаревшей видел я девушку. Но в её глазах попрежнему жили решительность и воля. Пройдя через грань доступных человеческих испытаний, девушка стала неуязвимой, словно закованная в броню.

— Кто руководит конспиративной группой? — не глядя на девушку, спросил полковник.

Ответа не последовало.

— Где вывезенный из элеватора хлеб? Где ваши сообщники? — вскочив из-за стола, заорал он.

Бешенство охватило полковника, наливая шею и скулы кровью ярости. Он уже не говорил, а хрипел.

— Вы будете говорить? — подойдя вплотную и в упор глядя на девушку, спросил он.

Девушка подняла глаза и дерзко молчала. Круто повернувшись на каблуках, полковник вернулся к столу и с остервенением нажал кнопку. Вошли двое. По знаку полковника они схватили девушки и потащили её в другую комнату. Вскоре оттуда раздался страшный крик, затем второй, третий, и всё смолкло. Дверь отворилась. Я не могу без содрогания вспомнить то, что я увидел. Девушка бесформенной массой висела на руках фрицев. Одежды на ней почти не было. Из груди её, из синепунцового подтека сочилась кровь. В тонких руках не было ни кровинки. Вошёл человек в белом халате. По знаку полковника он достал шприц и сделал укол. Девушка застонала и открыла глаза.

— Ну?

— Нет! — слабо, но твёрдо ответила девушка.

Вот тогда я впервые услышал её грудной и задумчивый голос. Кивок головы, и палач резким ударом повернул жертву к себе.

Подняв слабеющую голову, девушка остановила свой взор на полковнике. Словно ужаленный, заметался он в кресле, пытаясь скрыться от пронизывающих глаз. Не было сил выдержать этот взгляд. Девушка улыбнулась, и её простая, человеческая улыбка парализовала полковника. Беспомощный, и жалкий, он стоял перед нею. Не в силах выдержать улыбки, полковник рванулся к девушке, вцепился в её плечи и широкой рукой схватил за лицо... Возбуждённый, перемешивая немецкую речь с русской, он что-то нечленораздельно орал, потом подал знак, и доктор взял девушку за подбородок и быстрым движением ввёл в глаза жидкость. От страш-

ной боли лицо девушки исказилось, из груди её вырвался стон.

Неторопливо вкладывая сигару в краешек тонких губ, доктор улыбнулся.

— Я помню ваш приказ, герр полковник, — она будет жить и мучиться.

В окна ударил порывистый косой дождь. Разрезав темноту ночи, где-то невдалеке вспыхнул ослепительный зигзаг молнии, на минуту осветившей мужественное лицо рассказчика.

Он умолк.

А перед нашими глазами всё ещё стоит незабываемый образ девушки и взывает к мести. Мы чувствовали, как к рукам нашим приливает тяжёлая кровь и они сами собой сжимаются в кулаки. Нас душит ненависть, жажда мщения. И она придёт, эта страшная месть и враг захлебнётся в собственной крови.

Страшное и жди этой расплаты, ненавидный чужеземец. Она идёт.

Борис Горбатов.

ДЕЗЕРТИР

Струсил.

Просто струсил Кирилл Журба, молодой человек из села Кошарицы.

Бросил винтовку.

Бежал.

Бежал, ног под собой не чуя. Оставил товарищей. Потерял совесть. Забыл честь. Ничего не помнит. Как

бежал, не помнит, что кричал, не помнит. Только помнит, как тряслись в животном страхе челюсти да ёкало заячье сердце...

И вот далеко позади остался бой, смолкли крики, стихли выстрелы. Тишина...

Упал в рожь Кирилл Журба. Впился ногтями в землю. Зарычал от радости:

Жить буду! Долго жить буду!

И заплакал.

В этот миг на шоссе возник грохот. В бой шли машины. Везли людей, везли снаряды. Опять заметался в ужасе Кирилл Журба. Найдут! Найдут его! Господи, боже мой, куда же спрятаться?

Встал на корточки. Огляделся. Огромное голубое небо над головой. Широкая степь вокруг. И во все стороны тербатые, как мосты, дороги. Большая грейдерная — в город. Узенькие, припущенные золотой соломой — в сёла.

А если взять все дороги, как вожжи, в руки и разобрать, легко найдётся среди них маленькая, толстая дорожка в родные Кошаринцы.

Вот там, за босогором, начинаются массивы кошаринской озими — прошлой осенью Кирилл сам её сеял — рожь его спрячет. А дальше, подле реки, — село, там родился Кирилл, по тем улицам бегал босонотим хлопчиком — родное село укроет. Там в селе мать и сестра Женя и черноокая дивчина Настя — они его успокоят, приголубят, в тёплых мягких подушках спрячут...

Встал Кирилл Журба. Страхнул с колен землю. И пошёл в родные Кошарицы.

У околицы его остановила колхозная охрана. Бригадир Пётр Воевода взгляделся в красноармейца и удивлённо протянул:

— Э! Та это же Кирилл! Здорово, Кирилл! Надолго?

— На час, — потупив глаза, ответил Журба, — командир отпустил на час.

— А! Ну, иди! — сказал Воевода и проводил его острым взглядом до самой хаты.

Кирилл, переступив порог родной хаты, снял фуражку и увидел мать.

— Мама! — закричал он не своим голосом.

— Кирилл? — Сыночек! Надолго?

Он хотел сказать ей, что совсем пришёл, а почему-то сказал:

— На час.

Мать засуетилась, заметалась по хате. Стала собирать на стол, угощать дорогого гостя. Кирилл молча сидел у стола, глядел в пол, неохотно ел, кусок застревал в горле.

Так прошёл этот час. И Кирилл уже почти забылся, отошёл душою.

Хорошо, что можно было так сидеть на лавке в красном углу. Хорошо, что не надо было никуда идти. Он словно оцепенел. Ни о чем не думал, на часы не глядел.

Зато мать Агафья Семёновна часто и беспокойно потягивала, то на часы, то на сына. Вот и час прошёл, а

только ни о чём не поговорили. Сейчас уйдёт Кирюша на фронт...

— Сыночек, — сказала она робко, — тебе пора. Опоздаешь?

Кирилл вздрогнул.

— Мне, может, только час жить осталось, — закричал он плаксиво. — Мать! Что же ты меня гонишь?

— Сыночек! — всхлинула мать. — Так ведь наши-то бьются. Как же так, сыночек! Иди! Не позорь себя!

Он вскочил на ноги и хотел крикнуть: сына родного гонишь? — но не закричал, а сказал только:

— Я ещё к Насте зайду на минутку.

Шёл по колхозной улице и видел, как следит за ним недоверчивым взглядом всё село. Из всех окон, из-за каждого тына следили за ним старики, ребятишки, бабы. «Точно я вор?»

Вот и настигла хата, и вишня в палисаднике, и та скамеечка, где бывало... Вот и Настя, невеста.

— Настя! — закричал он и широко раскинул руки, чтобы обнять тёплую дивчину, припасть к её груди, рассказать ей всё, как было.

Но Настя подняла на него глаза, и Кирилл понял, что она уже всё знает.

— Что же ты не на фронте, Кирилл? — тихо спросила Настя. — Все наши хлопцы там.

Как окаянный, как проклятый, ушёл отсюда Кирилл Журба в тёмную ночь. Бродил, не находя себе места, и сам не знает, как добрался домой и уснул.

Утром его разбудила мать. Ни слезинки не было в её глазах. Лицо было сухим, суровым.

— Собирайся, Кирилл! Пора! Иди! — сказала она. И тогда он закричал на неё, закричал так, как сроду не кричал. Вскочил, замахнулся... Но не ударил. Страшины были глаза матери. Нет ничего страшней.

Он упал на койку и зарыдал, как ребёнок.

Мать, не взглянув на него, вышла и заперла хату на замок.

Всё село, от околицы до околицы, шумело, волновалось. В разговорах у колодцев, на улице, на колхозном дворе одно слово раздавалось громче других: «Дезертир».

Председатель сельсовета Иван Таенчук вызвал к себе бригадира Петра Воеводу.

— Подозрительно мне, — сказал председатель, — что в такую обстановку находится дома красноармеец Кирилл Журба. А?

— И мне это подозрительно.

— Так иди, товарищ Воевода, и скажи Кириллу, что требуем мы его в сельсовет.

Воевода пошел к хате Журбы, но увидел, что она на замке.

— Эй! — закричал он. — Чи кто есть дома? — Никто не отозвался.

Воевода подошел к окну, заглянул в него и заметил как Кирилл, точно наблудившая кошка, забивается под лавку.

— Эй, Кирилл! — крикнул воевода в окно. — Что же ты прячешься?

Но Кирилл только плотнее забился под лавку. Всё хотел втянуть туда и ноги. Но ноги торчали наружу, ноги в тяжёлых, армейских сапогах.

В это время и пришла домой сестра Журбы Евгения. Она отперла хату,пустила Воеводу и колхозников.

— Идите! — сказала она при этом, — берите его!

Кирилла повели по колхозной улице к сельсовету. Всё село наблюдало как вели его. Он шёл, опустив голову: хуже вора, хуже конокрада — был он сейчас. Проклятый! Окаянный! — отзывалось в ушах.

Колхозники сами передали дезертира властям. Кирилл Журба предстал перед судом Военного Трибунала. Он во всём сознался, ничего не скрыл. Был подавлен. Говорил мало, но не плакал.

Ему об'явили приговор: расстрел. Он выслушал его, опустив голову. Ну, что ж, заслужил! Пётр Воевода узнает о приговоре, скажет: «Правильно». Настя не уронит слезинки. Даже мать не вытрет глаз кончиком старенькой шали. Сухими глазами проводят они Кирилла на позорную смерть.

И это было тяжелее всего.

Шатаясь, вышел он из суда. Если б можно было теперь начать жить по-новому! Если б можно было снова очутиться среди товарищей, рассказать им о муках и позоре этих дней, искупить, доказать, оправдаться...

Поздно! Завтра его расстреляют.

Но на завтра Журбу снова вызвали... Ему об'явили, что учтя его молодость, ему дают возможность искупить вину. Он поднял голову. Он прислушался. Жаркая волна радости разлилась по телу.

Иди, Кирилл Журба! Иди, в бой! Кровью смывай с себя позорное пятно! Иди, бей врага! И возвращайся с победой. Тогда обратится тебе старуха-мать, тогда примут тебя родные кошаринцы, пожмёт тебе руку бригадир Воевода Пётр, поцелует тебя твоя Настя.

Ив. Армилов.

СОВЕТСКИЕ НЕРВЫ

Боец Иван Шумилин стоял на посту — охранял военный склад. Вдруг над головой заревел мотор. Немецкий самолёт вынырнул из облаков. Начал пикировать на склад. Гулко ударили зенитки. В воздухе зашвистела бомба. Всё кругом затряслось.

Иван Шумилин был опрокинут взрывной волной, засыпан землёй. Комья вывороченной глины накрыли его сплошным слоем в полметра толщиной. Часовой исчез. Только у самого края воронки торчали рыжие подошвы сапог. Сбежались бойцы, Ивана откопали, встряхнули, привели в сознание.

— Ну как? — спросил военфельдшер. — В госпиталь сам дойдёшь или довести?

Иван Шумилин протёр глаза, осмотрел разорванные штаны, почесал переносицу.

— Не такое теперь время, товарищ военфельдшер, чтобы по госпиталям ходить, — сказал он внушительно. — Стою на ногах, значит жив. Об чём разговор?

Его стали уговаривать: может быть повреждён позвоночник от контузии, может быть, брюшина. Тогда Ивач Шумилин рассердился.

— Дайте-ка винтовку, — сказал он. — И вообще прошу очистить территорию. На посту посторонним быть не полагается. Отстою смену — пойду штаны латать. А лечиться будем потом, после разгрома фашистов. Тогда даже на курорт поедem. Очень просто. А теперь каждый боец, даже больной, должен здоровье симулировать.

Военфельдшер дружески хлопнул Шумилина по плечу:

— Крепкие у тебя нервы, парень. Другой на твоём месте сутки без памяти пролежал бы, а ты...

— Иди, иди, — улыбнулся Шумилин. — А такое, как со мной, с каждым может случиться. И нервы у меня обыкновенные. Советские нервы.

Алабушев.

НЕ ЧИХАЙ

Сержант мне рассказывал. Был у него боец. Боец как боец, только чуть сырость или что — чих на него нападал.

Бывало идут на выполнение задания — всем общий приказ раз'ясняют, а ему отдельную команду дают:

— Не чихать!

— Есть не чихать! — говорит боец. Так его «Нечихай» и прозвали, по-приятельски.

Вот однажды провело наше подразделение операцию: окружили фашистский штаб и захватили селение таким внезапным ударом, что немцы и штабов налететь не успели: тикали по огородам, кто в чём был.

— Ну, зашёл мой сержант с несколькими бойцами, а Нечихай вместе с ними, в один дом. Смотрит на столе обед стоит.

— Эх, красота!

— Кушать подано!

— Садись за стол! — скомандовал сержант и, засмеявшись, добавил: — Нечихай, не чихай.

Сели бойцы за стол, до чего хорошо с похода да с усталости — и готовый обед.

Все обрадовались и только было застучали ложками, как кто-то возьми да и чихни.

— Нечихай! — сказали все с укоризной. — Приказ, а не выполняешь.

А он сидит смущённый и молчит.

Стали есть. Ели, ели, вдруг опять:

— Апчхи!

Мы совсем развеселились.

— Нечихай! — кричим. — Нечихай, дуй во всю вдоволь!

А он опять смутился и говорит так это тихо:

— А я, товарищи, и не чихаю.

И вдруг опять:

— Апчхи.

А Нечихай вскочил, побагровел, за винтовку хватить и говорит серьёзно:

— Товарищ сержант, разрешите доложить: я не чихал!

И сам глазами как-то страшно водит. Посмотрели мы, а он на пол показывает.

Вмиг от стола разлетелись. В ружьё — и кругом дом оцепили. Сержант говорит:

— Вот вы, товарищ боец, со мной в дом пойдёте.

А тут Нечихай вышел и говорит:

— Разрешите мне, товарищ командир, поскольку там чих, — это уже по моей специальности.

— Ладно,—сказал сержант. — Пошли.

Немного времени прошло — выходят они из дома и... двух немецких автоматчиков ведут. Оказывается, фашисты в подполье засели, спрятались, отсидеться думали, да и не вышло.

— Известно дело — сырость, — говорит Нечихай тоном знатока. — Просидел он, леший, в подполье и... апчхи!!!

И до того это здорово Нечихай показал, что мы даже заподозрили, что он воспользовался случаем и чихнул что было сил, от всей души.

Тут мы ему, конечно, ничего не сказали.

— Доставьте пленных командиру части. — Приказал сержант.

— Есть доставить пленных к командиру части, — повторил приказ Нечихай.

И скомандовал немцам: — Вперёд, шагом марш!

И проводя их мимо нас, лихо подмигнув, добавил:

— Не чихай!

Николай Маков.

Репертуар Алтайского ДНТ.

КОЛХОЗНАЯ ВЕСНА.

(Раёк и частушки).

Привет тебе, колхозник и колхозница!
Время, сами знаете, к посевной клонится, но не всякий
К ней по-хозяйски готовится! К кампании тяготеет иной,
Но только не к посевной!

У него совершенно другая кампания,
«Приятельская», по названию.

Конечно, хорошо в свободное время,
Собратся

С друзьями со всеми,
И под гармошку трёхрядную,
Затянуть песню складную...

Но в дни посевного наступления
Так проводить время — преступление.

А вот недавно нашли мы дневник,
И едва разобралися в
Записях древних.

Какой-то дивчине было не лень
Строчить о себе каждый день.

И чтоб не быть голословными,
Познакомимся с записями дословными:

— Понедельник — день нескладный,

Мне всегда твердила мать,

А поэтому с бригадой

Не поехала пахать...

Дождик, ветер был во вторник,
На дворе полно воды...
Выход в поле, на работу
Отложила до среды...
После поздней вечеринки
Спать охота — хоть кричи!
А поэтому и в среду
Провалялась на печи...
К докторам в четверг ходила,
Ни жива, и ни мертва, —
Отчего, — сама не знаю,
Разболелась голова...
Вот и пятница настала,
Взяться нужно за дела
Поругалась с бригадиром...
И на пашню не пошла...
В город ездила в субботу,
От колхозников тайком...
Спозаранку на базаре
Торговала молоком...
А в чудесный день воскресный,
Пригласив к себе свекровь,
В тёплой хате отдыхала
После будничных трудов.

Вот Петрову тоже лень одолевает,
Но факты иногда и похуже бывают...
Взять к примеру лошадей колхозных...
После дней буранных да морозных,
Чуть запахнет близкою весной,
Лошадь нам нужна для посевной...

Но случается, что кони наши,
Еле ноги двигают на пашне.
Ну, а конюх будто — он чудак,
Лошадёнку спрашивает так:

— Что ты ржёшь, мой конь ленивый?

— Что ты шею опустил?

А конь отвечает.

— Потому что ты овёс мой

На базар зимой свозил...

А теперь.

Немногими словами

Нам поговорить не худо с вами.

Про того или другого типа,

От которых вред

Похуже гриппа!

(На мотив «Катюши»).

Степанида, Женья и Катюша

Стали нынче этак рассуждать:

— Не цвели ни яблони, ни груши,

— Значит с севом можно подождать!

Говорит и Ярцев в этом роде,

Не спеша с засышкой семян,

У него, наверно, от природы

В голове какой-нибудь из'ян!

Не в почёте председатель Громов,

Он давно колхозникам не мил,

Потому что всех своих знакомых

От работ совсем освободил!

Конечно, такие друзья и подруги

Получат со временем по заслугам.

Итак, с ударников будем брать примеры.
Их порыв к труду не знает меры.
Их решимостью, их волею стальной
Победят колхозы в этой посевной!
Урожай военный мы устроим,
Чтоб врага осилить поскорей...
Шлём привет колхозникам-героям!
Слава всем ударницам полей!

М. Исаковский.

РУССКАЯ БАНЯ.

(Партизанская быль).

Посёлок был и глух, и нелюдим,
Когда пришли немецкие солдаты.
Нет никого. Лишь старый Никодим
С Алёшей внуком вышел из-за хаты.
Солдаты окружили старика,
Набросились, как черти из болота.
Штыки нацелили ему в бока
И всем кагалом требуют 'чего-то.
А тот молчит, не зная, что к чему,
За что его карают беспричинно,
И очень горько сделалось ему,
И он подумал, что пришла кончина.
Но тут какой-то хитроумный бош, —
Видать, большого опыта и знания, —
В момент извлёк из-под мундира вошь
И с расстановкой выговорил «ба—нья».

«Вот оно что!... Совсем иная статья!»

Глаза у старика повеселели:

— Да вам бы так сначала и сказать,

А заколоть меня всегда б успели...

— Ну что ж, идём! — позвал их Никодим.

И выбрался из круга осторожно, —

Чего-чего, а баню зададим,

Без русской бани — как же это можно?

И не подвёл старик, не сплеховал:

Так истопил, что небу стало жарко,

Нагрел воды и веников достал:

Стушайте, мол, блаженствуйте — не жалко.

В пару, в жару, над кадками с водой

Про всё на свете позабыли боши...

— Теперь, приятель, дело за тобой, —

Шепнул старик и подмигнул Алёше.

А тот, видать, не раз бывал в делах, —

Он понял деда с одного намёка:

Пробрался в сад, а там шмыгнул в овраг.

А там — в кусты, а там — уж недалёко.

И не успел ещё иной солдат

Себе как следует намылить холку,

А партизанский боевой отряд

Уже примчался из лесу к посёлку.

Вскричали немцы в страхе: «Вас ист дас?»

Внезапно очутившись под ударом,

А им в ответ: «обычай, мол, у нас —

Пришли гостей поздравить с лёгким паром!

И сразу в бане стало невтерпёж:

Засуетились немцы, завопили:

Уйти хотели, да куда уйдёшь?
Штаны — и те в предбаннике забыли.
И очень был доволен Никодим,
Ведя беседу под вечер с друзьями:
— Я же сказал им — баню зададим...
Ну, вот, и вышло по моей программе!

И НИ ТУДЫ, И НИ СЮДЫ...

(Красноармейские куплеты).

Гитлер сам себе не рад:
Взять не может Ленинград,
Видит невские сады —
И ни туды, и ни сюды.
На Москву пустился вор,
Дали мы ему отпор.
Пропадают все труды
И ни туды, и ни сюды.
Партизаны там и тут
Немцам жизни не дают,
Все отрезали ходы —
И ни туды, и ни сюды.
Немцы с танками пришли,
Партизаны мост сожгли,
Танки встали у воды —
И ни туды, и ни сюды.
Полк немецкий хлеба ждал,
Партизанам хлеб попал,
А фашисты без еды —

И ни туды, и ни сюды.
Геббельс часто в сводках врёт,
Много в них воды он льёт.
Эти сводки без воды —
И ни туды, и ни сюды.
Удивительный вопрос, —
Отморозил немец нос,
А без носа-то куды?
И ни туды, и ни сюды.
Немцев крепко вши грызут,
Немцы бани не найдут,
А без бани и воды —
И ни туды, и ни сюды.
Раз немецкий генерал,
В беге брюки потерял,
Но не скрыться от беды —
И ни туды, и ни сюды.

Ник. Маков.
Репертуар Алтайского ДНТ.

МАРШ ПОСЕВНОЙ КАМПАНИИ.

(На мотив «Эх, вы, кони, вы, кони стальные»).

Подоспела пора боевая,
И над степью Алтайской родной,
Всех колхозников в поле сзывая,
Развевается флаг посевной!

Припев:

Приготовься живей,
Сил своих не жалея,
Видишь, ярко весеннее солнце.
Как на фронт выезжай
За большой урожай,
За хлеба яровые бороться!

Будем дружной бригадой трудиться,
Чтоб о нашем успехе большом,
О победах колхозных пшеница
Золотым прозвенела зерном!

Припев:

На просторы бесчисленных пашен
Друг за другом колонной стальной
Направляются тракторы наши,
Точно танки в решительный бой.

Припев:

Всё для блага страны отдавая,
Соревнуясь ударным трудом,
Вспашем землю от края до края,
По-военному сев проведём.

Припев:

Подоспела пора боевая
И над степью Алтайской родной,
Всех колхозников в поле сзывая,
Развевается флаг посевной!

Припев:

М. Шипулин.

Репертуар Алтайского ДНТ.

МАРШ СИБИРЯКОВ-АЛТАЙЦЕВ.

С предгорий седого Алтая,
Из дальних таёжных углов
Слетается грозная стая
Бесстрашных сибирских орлов.
Нас вольные степи вскормили,
Мы крепили в сибирский буран,
Могучие реки вспоили
Потомков седых партизан.

Припев:

Вперёд за родину,
Орлы сибирские,
Туда, где грозный бушует пожар.
Пусть враг узнает,
Орлы сибирские,
Наш богатырский смертельный удар.

Мы в грохот великих сражений
На знамени имя несём
Того, кто не знал поражений
В решительных битвах с врагом.
Обрушимся грозной лавиной
На свору фашистских собак.
Снарядом, гранатой, миной,
Бандита громи, сибиряк!

Припев:

За танком не спрячетесь, гады!
Броня поддаётся огню,
В бою мы не знаем пощады,

Мы сердце одели в броню.
Споём же под грохот фугасов
О славе сибирских полков,
Как бились Миронов, Некрасов,
Как немцев громил Батраков.

Припев:

Когда мы, покончив с врагами,
Вольёмся в победный парад —
В строю закольшется знамя
Сибирских гвардейских бригад.
Над Красною площадью грянет
Салют боевых батарей.
И Сталин под знаменем встанет,
Обнимет своих сыновей.

Припев:

Н. Павленкова.

Репертуар Алтайского ДНТ.

ЗАПРЯГАЙТЕ, БРАТЦЫ, КОНЕЙ.

(Песня на мотив «Распрягайте, хлопцы, коней»).

Запрягайте, братцы, коней,
Нужно в поле выезжать,
Чтоб по тем полям зелёным
Вражьей своре не гулять.
Выезжали в поле чисто
Боевые плугари,
Чтобы доблестно трудиться

От зари и до зари.
Среди них одна дивчина
Всем на диво удалась —
Рука крепка, песня звонка,
Песня в сердце отдалась.
Не подружит с ней усталость,
Ни в посев, ни в пахоту,
И в Москве узнает Сталин
Про стахановку про ту.
А когда враги полягут
В землю русскую мою,
Я скажу тогда подруге,
Что давно её люблю.
Знаем мы, что враг не властен
Над судьбой страны родной.
За любовь, за наше счастье
Мы идём в суровый бой.
Если бьёт проклятых фрицев
Наша армия в боях,
За победу будем биться
На колхозных на полях.
Запрягайте, братцы, коней,
Нужно в поле выезжать.
Но дадим в полях зелёных
Вражьей своре погулять.

ПОГОВОРИМ О ПЕСНЕ.

(Конферанс к выступлению ансамбля песни и пляски).

И в весельи, и в печали
 Любит песни наш народ.
 Песни вольные звучали
 Над страной за годом год.
 Пели малые ребята
 И седые старики,
 Пели бабки и внучата,
 Пели славные девчата
 Дома, в поле, у реки...
 Пел и я своей хорошей
 Песни в роще, за рекой;
 Да теперь за этой рощей
 Ходит вшивый, ходит тощий,
 Мерзкий немец—часовой...
 И любовные напевы,
 Как грозой заглушены
 Песней мести, песней гнева,
 Песней праведной войны!
 В дни грозные сражений,
 В дни нашествия врагов
 Песню на вооруженье
 Русь брала спокон веков.
 С песней к полю Куликову
 На Мамаю предки шли,
 Рать великую петрову

Тоже песни в бой вели.
Возвратясь домой со славой,
Цела ратная семья:
«Было дело под Полтавой,
Дело славное, друзья!»
С песней той отцам и дедам
В память врезалась пора,
Как дрались тогда со шведом,
Как пришли тогда к победам
Под знамёнами Петра!
Цела, двигаясь с боями,
И суворовская рать:
«Взвейтесь, соколы, орлами,
Полно горе горевать!»
После боя под Москвою,
После дней Бородина
Цела песню о герое
Благодарная страна:
«Тщетны россам все препоны,
Доблесть есть побед залог,
Есть у нас Багратионы,
Будут все враги у ног!»
После всех боёв упорных
Цел Чапаев удалой:
«Ты не вейся, чёрный ворон,
Над моею головой!»
В дни грозные сражений,
В дни нашествия врагов,
Песню на вооруженье
Брал народ покой веков.

Наши силы не ослабли,
Наши песни хороши,
Песни есть — острее сабли,
С песней недруга круши!
С грозной песней молодецкой
Немцев мы идём громить:
«Мы врагов страны советской
Били, бьём и будем бить!»

Николай Маков.
Репертуар Алтайского ДНТ.

ЧТО ПОСЕЕШЬ — ТО ПОЖНЕШЬ.

(Частушки).

Близок жаркий день весенний,
И, как в прошлую весну,
Объявляем всякой лени
Беспощадную войну!

Припев:

Время мчится,
Словно птица,
Черешаный темп не гожд...
И, недаром говорится, —
Что посеешь — то пожнёшь!

Говорит Касимов вволю
А делишки часто швах...
От таких «трудо» мозоли
Будут лишь на языках!

Припев:

Даша хитрая дивчина, —
Как работать, так больна,
От танцулек (вот причина!)
Не сгибается спина!

Припев:

Очень часто предколхозу
В поле выйти недосуг.
От такого «руководства»
Лишь протрёшь десяток брюк!

Припев:

У кого надуты лица?
Кто из нас, друзья, сердит?
Будем с песнею трудиться,
Песня делу не вредит!

Припев:

Станем все к тому стремиться,
Так вести свои дела,
Чтоб алтайская пшеница
Ростом выше нас была!

Припев:

Если труд проходит с жаром,
То выходят «чудеса», —
Через край полны амбары
Ржи, пшеницы и овса!

Припев:

Поспешим весне навстречу,
Для победы хватит сил...
Новым хлебом обеспечим
До отказа фронт и тыл!

Припев.

Зная точно цифры плана,
Позаботиться пора,
Чтоб работали исправно
В поле наши трактора!

Припев:

Эй, колхозник!
В поле чисто
Дружно сеять выезжай,
До конца добьёт фашиста
Наш колхозный урожай!

Припев:

Энергично, с жаром новым,
Сил своих не пожалев,
Всё для сева подготовим,
Чтобы был
Военный сев!

Припев:

НАРОДНЫЕ ЧАСТУШКИ.

Весенний сев.

Мимо риг лежит дорожка
Прямо, прямо на жнивье,
Заиграй, моя гармошка,
Про колхозное житье.

Весела гармонь у Вани,
И меха у ней туги.
Наш колхоз к весне готовит
И машины и плуги.

День и ночь грохочет триер,
Сортирует семена, —
По-ударному знать выйдет
Большевиетская весна.

Наш колхоз к весне готов —
Громко заявляем,
А поэтому на севе
Мы не подкачаем.

Бончишь сеять яровые,
Не подумай отдыхать:
Надо нынче паровые
Поскорее нам вспахать.

Сорняки мы уничтожим,
Влагу сохраним зерну,
По-ударному закончим
Большевиетскую весну.

Об ударницах.

Из колодца вся деревня
Ключевую воду пьёт.
Вся деревня про ударниц
Песни новые поёт.

Скоро, скоро снег растает,
Запоёт соловушко.
Поведу я трактор свой
В колхозное полюшко.

На угорье у дороги
Зеленеют три сосны:
По-ударному работать
Обещали мы с весны.

Я ударница полей.
Много в книжке трудовней.
Перед милым я горжусь,
Что в стахановцы горжусь.
Сколько листьев на деревьях
Вырастает заново,
Сколько стало на деревне
Девушек-стахановок.
Мы с милёночком моим
Не сошлись характером.
Милёнок гонится за мной,
А я гонюсь за трактором.
Я бывало припевала,
Ещё звонче припою—
Я ударница в колхозе,
В списке первая стою.
Эй, гитара, разливайся,
Гитарист, играй смелей!
Ты во мне не сомневайся,
Я ударница полей.

О лодырях.

Пароход идёт по Волге,
Волга-матушка река,
У лентяя отдых долгий,
А работа коротка.
От работы бежит лодырь,
На колхоз махнул рукой:
Дня четыре отдыхает,
А на пятый выходной.

Пташки с веточки на веточку
Летают целый день.
Лодырь пташечек считает,
А работать ему лень.

На горе собака лает,
На мосту петух поёт.
Лодырь целый день гуляет,
Целый день запоем пьёт.

Дорогая ты, подружка,
В кого ты влюбилась.
Первый лодырь он в колхозе,
Хата развалилася.

Не прози мне у ворот,
Не стучи подборами,
Всё равно не завлечёшь,
Лодырь, разговорами.

Стоит лодырь у ворот,
Широко разинув рот,
И никто не разберёт,
Где ворота, а где рот.

За высокими кустами
Лодырь скрылся и затих,
Нашет нашими боками,
Отдыхает на своих.

Полюбила я милёнка
И не знала, что лентяй,
Я узнала — разлюбила:
С лодырицей погуляй.

Ходит лодырь по задворкам,
Ходит лодырь по дворам,
Подойдёт к моим окошкам,
Редьки пареной не дам.

Кто на печке в своей хате
Целый день валяется?
Это лодырь из колхоза
От работ скрывается.

Я колхозникам сказала,
Рады или не рады,
Всем лентяям-лежебокам
Не бывать в бригадах.

За двором стоит осина,
Под окном стоит ветла.
А на лодырей в колхозе
Есть хорошая метла.

Сергей Васильев.

ПОД ГИТАРУ И ГАРМОНЬ ПО ЗАХВАТЧИКАМ ОГОНЬ!

(Частушки).

Ой, гармонь, моя гармонь,
Не гармошка, а огонь!
У гитары хватит жару,
Только ты гитару трень!

Пишет Ганс сестрёнке Марте:
— Мы Москву захватим в марте!
Отвечает Марта так:
— Был дурак и есть дурак.

На морозе еле-еле
Рота немцев шла вперёд,
Мы ту роту так согрели,
Что от роты дым идёт.

Человек-то был какой.
Со святыми упокой,
Ремень польский, плащ французский
А издох от пули русской.

Эй, солдаты, вас нет дас?
Сколько там осталось вас?
— Может сто, а может двести.
Только все лежат на месте!

Айда наша Настя!
Дай бог Насте счастья:
Из берданки оберз
Вечером угробила.

Я как немца подсеку —
Зарубаю на суку.
Но боюсь, что до весны
Мне нехватит всей сосны.

К нашей бабушке Агнине
Забралися в хату свиньи —
Рылом в блюда стучают
По-немецки хрюкают.

Взял фашиста на прицел,
Да патрона пожалел.
Я хотел его дубьём,
Да решил забрать живьём.

Ай да Власов с Иртыша,
Не смотри, что сам левша,
Рубит вшивые оравы
И налево и направо.

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ

(Красноармейские частушки).

Разговаривает пушка,
Помогает пулемёт
И военная частушка
Тоже очередь даёт.
Календарь листки роняет,
Двигаются часики.
Меч советский обрубает
Щупальцы у свастики.
Подбородок вроде дыни,
Нос на пуговицу похож.
Гаже рожи Муссолини
В целом свете не найдёшь.
Парикмахер испугался,
Смотрит — в зеркало свинья,
Голос Геринга раздался —
«Успокойтесь, это я!»
Гebbельс сказки сочиняет,
Сочиняет, загибает.
Будет день — за эти сказки
Мы зажём ему салазки.
У германского орла
Вид совсем измученный —

Перебиты два крыла,
Лапы перекручены.
Маниак живёт на свете,
Он по кличке «фюрер»,
Но известен всей планете
Как бандит и шулер.
Знают все, что фон дер Штуббе
Очень храбрый генерал:
Говорят четыре шубы
На войне он в плен забрал.
Все фашистские громилы
Выли песенку одну:
«Ах как близко до могилы,
От Ростова-на-Дону».
О фашистской вражьей гнили
Мы в частушках говорили.
Что не сказано в частушках,
То доскажут наши пушки!

ВОЛГА-МАТУШКА РЕКА.

(Красноармейские припевки)

Заиграй, друг, на баяне,
Я частушки пропою,
Песней бить врага я стану,
Острым словом проколю.
Тает, тает вражья сила,
Волга-матушка река.
Будет всем врагам могила
Широка и глубока.

«Фюрер» думает в Европе
Страны все себе забрать,
Ой, дадим по риббентропе,
Будешь знать, как воевать.

Есть у Гитлера шомеха,
Волга-матушка река.
Весь бюджет — одна прореха
Широка и глубока.

Всё мечтает о котлетах
Немец, бледный и худой.
Много «уток» есть в газетах,
А на рынке — ни одной.

Геббельс брешет в каждой сводке.
Волга-матушка река.
Нет продажней этой глотки —
Широка и глубока.

Силы гитлеровцев тают,
Это ясно видит всяк,
Даже психов нехватает
Для психических атак.

Немец полон возмущенья,
Волга-матушка река.
Партизанское движенье
Заливает берега.

ЖИВАЯ ГАЗЕТА ЗЯТЬКОВО-РЕЧЕНСКОЙ НСШ.

(Хабаровский район, Алтайский край, руководитель
учительница Н. З. Ковжун).

Внимание, товарищи,
В кружок поближе к нам!
Пришли мы с песней, с музыкой,
С беседой дельной к вам.

(Хор поёт одну из популярных оборонных песен).

Ты звонче пой, гармошка,
Веди с собою хор.
Начнём мы песней дружной
Душевный разговор.
Пусть знает наша партия
И Сталин — рулевой,
В семье колхозной нашей
Растёт бойцом любой.
Весну встречаем планово,
Не так, как было встарь.
У нас исправлен заново
Колхозный инвентарь.
Весну встречаем дружно мы,
Всё делаем сполна
Заранее проверены
На всхожесть семена.
В работе мы упорны все
И крепки, как кремень.
Ценить мы будем нормами
Колхозный трудодень.
Эй, колхозники! Дружно за дело,

Баррикад посевных не сдадим!
Будет наша страна с урожаем,
Мы на фронте труда победим.

(После этого выступления ведущий читает передовицу о лучших людях колхоза, выполняющих и перевыполняющих нормы. Передовая статья написана прозой. После выступления её помещают в стеновой газете колхоза).

ЧАСТУШКИ НА МЕСТНЫЕ ТЕМЫ.

Наша Аннушка Шумкова
До греха дошла такого,
Что нечаянно спросонок
Закатила трактор в колод.
Если был весной лентяем,
Так к зиме мешков не шей.
Не увидишь урожая,
Как без зеркала ушей.
Чтоб в поломке не винить
Тракторов-страдальцев,
Надо дело изучить,
Как свои пять пальцев.
Трактор любит техуход:
Если трактор чистый, —
Нет поломок целый год.
Знайτε, трактористы!
На колхозной нашей ферме
Слышны крики: «Караул!»
Среди мусора и грязи
Там телёнок утонул.

Ваш учётчик-счетовод
Запустил давно учёт,
Центнер с лишним молока
В день он пишет с потолка.
Наша Дуся — член колхоза
На работу не выходит,
Отдыхает на печи,
Все протёрла кирпичи.
Позабыл в колхоз дорогу,
Знать, работать было лень,
Заработал Фёдор много:
В месяц целый трудовень-

КОНЦОВКА.

Сталь смертоносную
Сеет пилот,
В гущу врага направляя полёт,
Сталинский сокол
Без промаха бьёт,
Враг от пилота живым не уйдёт.
Пашня такой же рубеж огневой
Сей по-ефремовски,
Силы удвой!
Бейся за хлеб,
Как на фронте боец,
Нужен стране он.
Как, сталь и свинец.
За счастье родины мы встали,
Идём на подвиг боевой,
И нас ведёт к победам Сталин
Великий вождь страны родной

83

Я СКАЯ
ИРЯБАЯ
гор. Барнаул

*

ПОСТЕНА

СОДЕРЖАНИЕ.

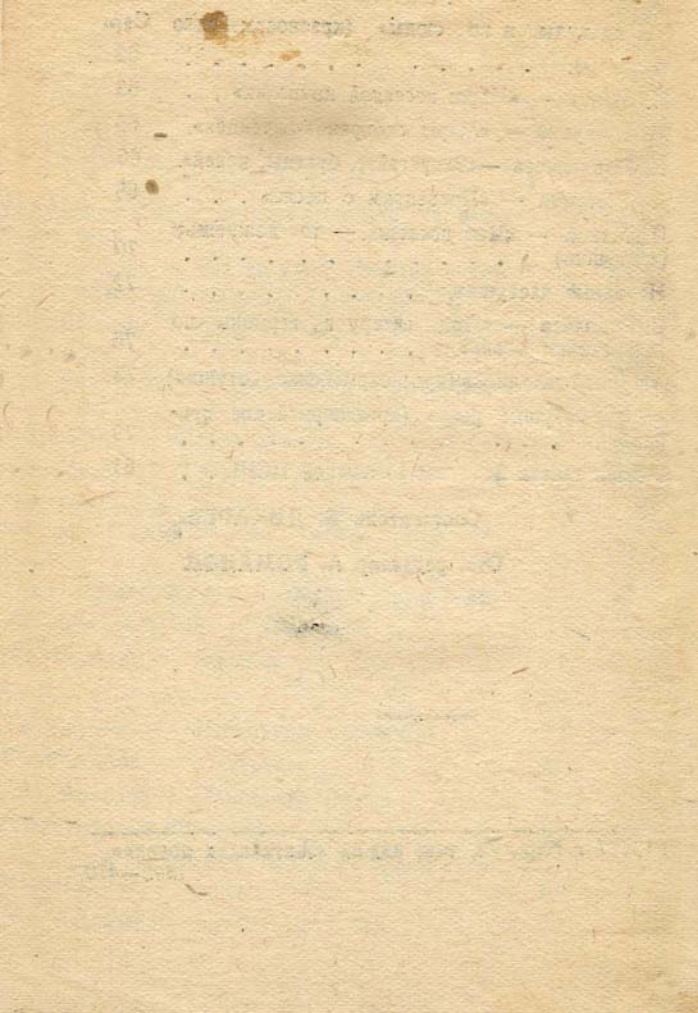
	Стр.
1. Художественная самодеятельность на весеннем севе	1
2. В. Джгарёв — «За военный урожай» — литературная композиция для худож. агитбригад.	4
3. В. Чиликин — «Отвага и труд — всех врагов сотрут».	7
4. Н. Колесников — «Человек с фронта» (пьеса в 1 д.).	16
5. Джамбул — «Песня весны»	29
6. Н. Маков — «Трудовой апрель»	31
7. Н. Павленкова — «Будь воинком».	33
8. Лемьян Бедный — «На помощь родине «вперёд»	35
9. Вас Лебедев-Кумач — «Клятва труженика»	36
10. В. Лебедев-Кумач — «Разгром».	36
11. Ц. Солодарь — «Знамя».	37
12. Никитин — «Русь»	39
13. А. Романов — «Нас душит ненависть»	42
14. Б. Горбатов — «Дезертир»	47
15. Ив. Армилов — «Советские нервы»	53
16. Алабушев — «Не чихай».	54
17. Н. Маков — «Колхозная весна» (раек и ча-стгушки).	57
18. М. Исаковский — «Русская баня».	60

19. «И ни туды и ни сюды» (красноармейские куплеты).	Стр. 62
20. Н. Маков — «Марш посевной кампании» . . .	63
21. М. Шипулин — «Марш сибиряков-алтайцев».	65
22. Н. Павленкова — «Запрягайте, братцы, коней».	66
23. А. Резаткин — «Поговорим о песне» . . .	68
24. Н. Маков — «Что посеешь — то пожнёшь» (частушки).	70
25. Народные частушки.	72
26. С. Васильев — «Под гитару и гармонь по захватчикам огонь».	76
27. «Прямой наводкой» (красноармейские частушки)	78
28. «Волга-матушка река» (красноармейские припевки).	79
29. Живая газета Зятьково-Реченской НСШ. . .	81

Составитель В. ДИКАРЕВ.

Отв. редактор А. РОМАНОВ.

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА**

Колич. предыд. выдач _____

